

ДЕТЕКТИВ

анна
МАЛЫШЕВА

Зеркало
смерти

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М20

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.*

Художественное оформление серии — *Екатерина Фerez*

Мальшева, Анна Витальевна.
М20 Зеркало смерти : [роман] / Анна Мальшева. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-17-121330-5

Наташа возвращается в маленький подмосковный городок, чтобы принять наследство после погибшей сестры. Она — последняя из большой семьи, все члены которой умерли, один за другим, в течение нескольких лет. Старший брат погиб, свалившись в овраг, другого, таксиста, убил неизвестный пассажир, и вот, покончила с собой сестра. Наташа не может поверить в самоубийство Анюты. Та была вполне самодостаточным человеком, набожным, добрым, немного не от мира сего. Наташа выясняет, что после смерти сестры из дома исчезли деньги, а также то, что Анюта встречалась с неким мужчиной. Опросив соседей, молодая женщина окончательно убеждается в том, что вокруг творится нечто недоброе. И она все время ощущает на себе чей-то пристальный взгляд...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-17-121330-5

© Мальшева А., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Поскольку я пишу о небольшом городе, где живу сама,
должна предупредить — все персонажи вымышленны.
Но все, что случилось в романе, вполне могло случиться
на самом деле.*

Глава 1

— Я всегда говорил, что место довольно глухое!

— В том-то и прелесть, — сказала женщина, стараясь перевести дух после крутого подъема в гору. — Жаль, что солнце уже село...

Остановившись у ограды, она снова прижала к глазам тыльную сторону ладони, пытаясь удержать слезы. Ее спутник терпеливо ждал, пока она отыщет в сумке ключи и ошупью найдет замочную скважину в калитке. Фонарика они не захватили, никто из них не курил, так что не было и зажигалки. Наконец самый массивный ключ подошел — калитка дрогнула и со скрипом поддалась.

Двор встретил их шумной свежестью сирени. Деревьев не было видно, но цветы благоухали в темноте так, что начинала кружиться голова. С реки тянуло свежестью, поднимался ветер.

— «В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето...»

Он не видел ее лица, но в голосе слышалась грустная, будто заплаканная улыбка.

— «Была жара, жара плыла, на даче было это. Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...»

«Надеюсь, она не собирается читать все стихотворение наизусть...»

Однако снова раздался звон ключей — теперь женщина пыталась отворить дверь, ведущую в дом.

— Ну вот, — услышался ее голос из темных сеней. — Наконец-то...

Под низким потолком вспыхнула лампочка. Он опустил веки — после густых сумерек свет нестерпимо резал глаза. Из мрака выступили массивный окованный сундук, замшелая вешалка, полускрытая под каким-то невообразимым тряпьем...

Женщина прошла в комнату и зажгла лампу. Серое сумеречное окно мгновенно стало черным.

— Я никогда не думала, что вернусь в этот дом, — сказала она, обводя взглядом дощатые стены. — Вернусь вот так... Как захватчица!

— Ты недовольна?

Вопрос остался без ответа. Она даже не повернула головы, не пожала плечами. Подошла к стене, коснулась запыленных часов, протерла старомодный пластиковый циферблат без стекла. Золотистые стрелки показывали ровно час — неизвестно, дня или ночи.

— Подумай только, — продолжала она, переходя от кровати к комоду, от комода к столу и везде пробуя пальцем слой пыли. — Сколько было наследников, кроме меня! Я ни на что не рассчитывала. А дом все равно достался мне...

— Ты как будто огорчена?

На этот раз она обернулась. Ее узкое, оранжевое от света лампы лицо осветила бледная, дрожащая улыбка. Женщина как будто опять собиралась заплакать. Она склонила голову, и волосы темно-рыжей волной упали на плечи, плотно обтянутые черной траурной косынкой. Прозрачный кусок черной, наспех скроенной материи придавал ей какой-то неряшливый деревенский вид. И ему вдруг показалось, что рядом с ним стоит какая-то чужая, незнакомая женщина.

— Не знаю, — ответила Наташа. — И нет и да. Когда-то я сбежала отсюда, как из тюрьмы... Потом иногда думала об этом доме... Приходилось! Но вернуться вот так, последней из всех... Этого я не хотела!

Они заночевали в одной из тесных комнаток, позади засаленной кухни, рядом с лестницей на чердак. На сам чердак не залезали — света там не было. Наташа то и дело улыбалась — грустно, робко, как будто про себя.

«Лучше всего продать этот дом, как можно скорее, — твердил про себя Павел. — Не могу видеть эту улыбку! Она становится похожей на сестру, когда улыбается так странно!»

Богатое наследство свалилось на них неожиданно. Наташа любила повторять, что не рассчитывает на него, и вот... Большой деревянный дом в престижном месте — в Пушкино, на Акуловой горе, в сорока минутах езды от центра Москвы. Мож-

но сказать, в историческом месте — по соседству со сгоревшей дачей Маяковского, где тот сочинил знаменитое стихотворение. Земля здесь ценилась очень высоко, да и сам дом чего-то стоил. Сперва она не поверила... Впрочем, мысли о деньгах в тот миг ее не посетили. Наташа была убита страшным известием и даже не думала о том, что разом разбогатела...

Она покинула этот дом пятнадцать лет назад. Все произошло само собой — но в то же время было подготовлено ею, как заранее спланированный побег из тюрьмы. До школы Наташа добиралась полчаса — летом по крутым пыльным дорожкам, осенью — в грязи, зимой — по обледенелым склонам. «Мы шли в школу, как Филиппки, — шутила она, исповедуясь мужу. — Только головы из снега торчали. Посмотришь налево-направо — и хочется плакать. Черные фигурки через сугробы лезут в школу... За знаниями...»

На Акуловой горе было немало жилых домов, а там жило немало детей, и все ходили в школу... Но одна Наташа уехала учиться в Москву — другие остались здесь. Пошли работать, спились, очертя голову повыходили замуж, слишком поспешно нарожали детей... Но для Наташи этот мир стал слишком тесен, так же, как и старый дом, где жила ее семья. Она уезжала с твердой целью — не возвращаться. Не потому, что была здесь несчастна, а потому, что хотела чего-то иного. Она не ждала никакого наследства... Но наследство само ее дождалось. Дом был пуст.

Когда она уезжала, то оставляла здесь двух старших братьев и младшую сестру. И еще отца. Мать умерла давно, еще молодой, вскоре после того как родила Анюту. Четвертые роды были трудными, и женщина после них так и не оправилась. Девочки не помнили лица матери, зная его только по фотографиям. Когда та умерла, братьям Наташи было десять и восемь лет, ей самой три года, Анюте едва исполнилось шесть месяцев. Ее вскармливали искусственно. С полинявших глянцевого карточек на детей глядела суровая, худощавая женщина с крутой бесцветной завивкой. Она казалась старше своих неполных тридцати лет. Замороженный взгляд ее прозрачных глаз не выражал ничего, кроме подозрительности. Так смотрят хозяйки на рынке, заранее уверенные, что их обвесят и ничего с этим не поделаешь.

— Представь себе, — сказала как-то Наташа, задумавшись о возможном разделе наследства. — Все придется делить на четверых. Братья, Анюта, отец... Они передерутся между собой... Но я драться не буду. Все отдам. На пятерых делить не придется.

И в самом деле, наследство делить не пришлось. Однако дело обернулось совсем не так, как воображала молодая женщина, сбежавшая от скуки и однообразия здешней жизни.

Ее отец умер, выкупавшись восемь лет назад в холодной речке, протекавшей неподалеку. По его собственным словам, он прыгнул в Учу, увидев там громадного сазана, запутавшегося в водорослях, прямо под бетонированным спуском к воде. Рыбу можно было поймать голыми руками — она запуталась основательно и беспомощно была тяжелым хвостом, разгоняя по реке закатные рыжие пятна. Рыбак выбрался на берег мокрый по горло и без добычи. Сазан вывернулся у него из рук и ушел в глубину. Отец Наташи после этого долго хворал, мучаясь от надрывного кашля, а зимой умер от пневмонии.

Павел на похоронах не был — тогда они с Наташей еще не были расписаны, и она сама попросила его не приезжать, чтобы не возбуждать среди соседей лишних слухов.

— Пойми, хотя официально это город, но по сути — все-таки деревня, — внушала она ему. — Конечно, камнями меня не закидают, но пойдут слухи... Я этого не хочу.

Когда умер отец, Наташе было двадцать пять, Анюте — на два года меньше, Илье должно было исполниться тридцать лет. А старший брат, Иван, погиб вскоре после похорон, в возрасте тридцати двух лет, при несколько загадочных обстоятельствах. Он возвращался с работы в феврале, вечером, когда над Акуловой горой стояли сумерки, а вокруг было безлюдно. Повидимому, мужчина поскользнулся на крутом обледеневшем склоне, поднимаясь к дому, и свалился в низину, где из-под снега острыми пиками торчали камыши. Упав отсюда летом, он мог бы только наглотаться болотной воды да раздавить пару лягушек... Может быть еще, ободрать локоть или колено. Но зимой болото замерзло, и Иван неудачно ударился виском об обледеневшую кочку. Его нашли спустя несколько часов, поздно ночью, когда младшие брат и сестра вышли с фонариком посмотреть, куда запропастился глава семьи. Предполагали, что Иван упал с горы в пьяном виде — то же самое подтвердило и вскрытие. Однако обнаружили еще кое-какие

факты. Удар, полученный Иваном, был не настолько силен, чтобы убить его сразу. Эксперт предположил, что тот еще некоторое время — около двух часов — оставался в сознании, не будучи в силах подняться. О том же свидетельствовал окровавленный, измятый снег вокруг трупа — было очевидно, что Иван ползал взад-вперед, тщетно пытаясь выбраться из низины. Вероятно, он звал на помощь, но почему его криков не слышали обитатели домов на горе — оставалось неясным.

На эти похороны Павел пришел. Они с Наташей уже подали заявление в московский ЗАГС, а значит, были все равно что женаты. Тогда он впервые увидел этот дом и познакомился с уцелевшими членами семьи.

Тридцатилетний Илья — младший брат — был удивительно похож на мать, исключая разве завивку. Его волосы были коротко острижены, но глаза смотрели с тем же холодным, подозрительным выражением, которое так не понравилось Павлу, когда невеста показала ему снимок покойной матери. Парень зарабатывал на жизнь частным извозом и практически не бывал дома, проводя большую часть суток на привокзальной площади, рядом с чисто вымытыми «Жигулями». Сколько он зарабатывал — оставалось неизвестным для всех членов семьи, включая младшую сестру, Анюту, которая получала от него деньги на хозяйство. Он всегда выдавал девушке определенную сумму, ни рублем больше, ни копейкой меньше. Илья руководствовался при этом собственными понятиями о справедливости. Он говорил, что в три горла все равно есть не сможешь, но и голодать понапрасну — глупо. Рыночные цены на продукты он знал не хуже сестры и требовал у нее полного отчета об истраченных деньгах. Двадцатитрехлетняя Анюта в его присутствии выглядела запуганным, не слишком сытым ребенком. На похоронах Павлу запомнился ее робкий, испуганный взгляд — она как будто даже плакать боялась.

Наташа же плакала, не скрываясь. Она призналась жениху, что любила Ивана, несмотря на то что в семье его считали неудачником и разгильдяем, да еще и пьяницей к тому же. Он пошел в отца.

— Но Илья, — говорила она, — в сто раз хуже, хотя много зарабатывает и не пьет. Почему, ты думаешь, он в свои тридцать лет до сих пор не женат? От скупости! Держит сестру впроголодь, дом не ремонтирует, ходит круглый год в одних и

тех же джинсах... Даже телевизор у них еще родительский — показывает одни тени... И куда он деньги тратит — уму непостижимо! Копит, наверное, но на что?! Зачем?!

Похоронив Ивана, они остались переночевать. На поминках, кроме них, присутствовали только самые ближайшие соседи. Анюта старательно постелила им в дальней комнате, холодной и пахнувшей плесенью. Мешали спать незанавешенное окно, низкий шорох метели и полная луна, горевшая высоко над горой. Молодые люди всю ночь ворочались и шептались.

— Теперь они останутся вдвоем, — вздыхала Наташа. — Бедная Анюта, она совсем пропадет...

— Почему она нигде не учится? — спрашивал Павел. — Хотя бы в техникуме?

— Ну что ты, — тихо отвечала та, зябко поежившись под ватным одеялом. — Она школу-то с трудом закончила.

— Отсталая?

Наташа обиделась. Она резко повернулась в постели и, лежа спиной к жениху, ответила, что Анюта совершенно нормальна. Ни о каком отставании в развитии и речи быть не может. Девушка очень любит читать, и хотя у нее никогда нет лишнего гроша, чтобы купить книжку, она постоянно приносит книги из библиотеки, расположенной неподалеку, в зеленом деревянном бараке.

— Просто Анюта робкая. Она могла хорошо знать урок, но когда ее вызывали к доске, бедняжка совсем терялась... Тогда и впрямь стояла, как дурочка... До слез доходило. Не знаю, что с ней такое! У нее замечательная память, а вот продемонстрировать ее она не может... Боится. Я даже представить не могу, как бы она сдавала какие-то вступительные экзамены! Она бы со страху умерла!

— Тогда почему не выйдет замуж? — настаивал Павел. — Симпатичная девушка!

— О, замуж, — проворчала Наташа, уходя под одеяло с головой. Ее голос прозвучал глухо и как бы нехотя. — Скажешь тоже! Парней она боится еще больше, чем экзаменов!

На другой день они уехали в Москву. Наташу ждали уроки в школе, Павла — обычный прием в больнице. Ни тот, ни другая не могли себе позволить отпуска за свой счет, хотя у Наташи было тяжело на сердце, когда она думала о младшей сестре, покинутой в заснеженном доме на горе. Та часто ночевала

вала в одиночестве, потому что Илья предпочитал заниматься ночным извозом, дающим большую прибыль.

Через месяц они поженились официально. Свадьбу сыграли скромную, ограничившись несколькими гостями и, конечно, родителями Павла. Те благосклонно отнеслись к невестке, несмотря на то что она не была москвичкой. Более подозрительные родители могли бы предположить, что девушка зарится на московскую квартиру. Однако Наташа втайне гордилась тем, что ее доля в подмосковном доме стоит намного больше, чем скромная двухкомнатная квартирка родителей мужа. Она как-то обронила об этом пару слов. Ее, казалось, не поняли или просто не услышали. Но девушке было приятно, что она все-таки это сказала, хотя мужу она твердила, что ни на какое наследство не рассчитывает.

— Какое наследство? — говорила она иногда. — Пустой звук! Там остались Илья и Аня. Что — продавать дом и делить деньги на троих? Такой подлости я не сделаю. Хотя другая бы на моем месте...

Никаких денег от нее никто и не требовал. Молодая пара уютно устроилась в большой комнате, родители — в меньшей. С утра Наташа уходила в школу, возвращалась довольно поздно. Свекровь кормила ее ужином. Потом усаживались смотреть телевизор — Наташа умудрялась одновременно проверять тетрадки и жаловаться на распущенные нравы учеников. Павел дремал, свекровь решала кроссворд, свекор рассказывал какие-то длинные и, как правило, скучные истории, которые никого не интересовали, но и никого не раздражали. И порой, когда Наталья поднимала голову от тетради и вслушивалась в этот ровный, домашний шумок — похрапывание мужа, голос свекра, скрип карандаша и шорох резинки над кроссвордом, бормотание телевизора, ей казалось, что она вообще не уезжала в Москву с Акуловой горы, что стоит выглянуть в окно — и она увидит знакомый, идиллический пейзаж — дорогу над обрывом, рослые березы, увитые плющом заборы, болото, где сизые утки учат летать подрастающих утят...

Так прошло пять лет. Наталья перешла в другую школу, где платили больше и можно было заниматься репетиторством с учениками старших классов.

— Слава богу, вступительные сочинения еще нигде не отменили, — говаривала она. — А Илья когда-то смеялся, что я поступаю в педагогический... Говорил, что умру с голоду!

Впрочем, Илья, убедившись, что сестра сумела устроиться в жизни, проникся к ней некоторым уважением. Постоянно курсируя между Пушкино и Москвой, он иногда заглядывал в гости — конечно, если привозил седоков в этот район. Наташа была уверена, что брат не истратит ни капли бензина лишь для того, чтобы с ней повидаться.

Эти визиты были ей в тягость. Илья вваливался без предупреждения, как будто был уверен — тут ему всегда рады. То, что полагалось выпить чаю, само собой подразумевалось. Он умудрялся оставаться еще и на ужин. Родители Павла против этого не возражали, несмотря на то что семья жила скромно, а родственник никогда не приносил с собой гостинцев — даже пачки печенья. Наташа говорила с братом сквозь зубы, в основном расспрашивала об Анюте. Она уже всерьез переживала за будущее сестры. Анюте грозило остаться старой девой. Ей было почти двадцать восемь — и ни единого романа, даже самого невинного.

Брат же гордился тем, что Анюта ни дня в жизни нигде не работала и целиком находилась на его содержании. Наташа, напротив, этим возмущалась.

— Что ее ждет? — говорила она. — Кто она — прислуга, что ли? Как она выглядит? Прямо оборванка! Почему нигде не бывает?

— А я ее дома не держу, — возражал Илья. — Пусть гуляет, развлекается.

— На это нужны деньги! Хотя бы одеться...

Тот твердил, что у сестры есть все необходимое. А если Наташа так за нее переживает — пусть сама подкидывает сестре рубль-другой. Наташе каждый раз приходилось отступаться. Средств на это у нее не было. Муж продолжал работать в городской поликлинике, они все еще жили вчетвером в двух комнатах. Женщина нерешительно мечтала об одной роскоши — о ребенке... Но никак не могла не это решиться. Каждый раз, когда она начинала строить туманные планы, воображая себя матерью семейства, ее мысли неизбежно возвращались к деревенскому дому.

— Если его продать и разделить деньги на три части, — говорила она мужу, — то мы могли бы разменять твою квартиру на большую... Или даже на две однокомнатные. Но куда я дену Анюту? Она такая дикарка... И так привязана к дому!

Анюта и впрямь почти нигде не бывала. Москвы она попросту боялась и даже в родном Пушкино не ходила дальше рынка. Как-то она призналась сестре, что чувствует себя спокойно только на Акуловой горе, на самой окраине города. В любом другом месте ей мерещатся какие-то опасности.

— Ей бы нужно показаться психиатру, — заявил Павел. — Это ненормально!

Наташа снова и снова заступалась за сестру. Та просто тихая девушка, с детства привыкшая кого-то слушаться — сперва отца, потом брата.

— У нее просто покладистая натура, — утверждала она. — Анюту все соседи любят, но ей не везет с парнями... На дискотеку она не пойдет, знакомиться на улице не будет... А вокруг живут сплошные алкоголики. Лучше без мужа, чем с таким...

Наташа готовилась отметить свой тридцатилетний юбилей, когда до нее дошла ошеломляющая новость — брат решил жениться! Ему недавно исполнилось тридцать пять, и она привыкла считать его закоренелым холостяком. И вдруг... Она познакомилась с будущей невесткой и была потрясена еще больше. То была тощая, высокая, какая-то иссохшая женщина с птичьим носом и таким скрипучим голосом, что от него сводило скулы, как от кислоты. Приехавшая в гости Людмила высокомерно оглядывала скромную обстановку московской квартиры, говорила о ценах на жилье и новостях светской жизни — тех, которые можно было почерпнуть из бульварной прессы. Но она сплетничала о знаменитостях с таким азартом, что казалось, лично знает всех поп-певцов, политиков и артистов. Все были оглушены и как будто отравлены этой пустой, недоброй болтовней, которую никто не решился оборвать.

— Он сошел с ума! — кричала Наташа, когда гости церемонно удалились. — Что это за чудище?! Наверняка женится на ней из-за денег! Наверняка!

Через минуту ей пришла в голову другая мысль, и она даже застонала:

— Что теперь будет с Анютой?!

Вечером она всерьез задумалась о разделе отцовского наследства на три части. Наташа строила дальние планы — она заберет свою долю, Анюта — свою, они объединят деньги, Павел добавит к этому свою долю московской квартиры, они разменяются с родителями... Анюта будет жить с ними.